

Вырезка из газеты

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕРМЬ

г. Пермь

«Пермская кадриль», «Еловская кадрелка», «Комарики», «Топтуша», хореографический плакат «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — эти и другие новые номера народного ансамбля Уральского танца Дома культуры профтехобразования пермяки увидели в самое последнее время. Поставил их нынешний художественный руководитель этого популярного коллектива лауреат Всесоюзного конкурса балетмейстеров Игорь Есаулов.

— О своей встрече с ним рассказывает наш корреспондент.

юзном конкурсе хореографов. Есаулов закончил балетмейстерское отделение режиссерского отделения ГИТИСа (класс Л. М. Лавровского). В Новосибирском театре оперы и балета был председателем балетмейстерской коллегии, главным балетмейстером — в горьковском театре...

Сейчас, из будущего, видно, чего стоило ему, каких трудов и потерь, обретение самого себя — а в современной хореографии нечего делать людям, ищущим спокойной жизни.

тыр — так ставил Есаулов — возвращает ей волшебные крылья. Он отпускает Сюимбике — птица счастья должна принадлежать всем людям.

Даже и просто по снимкам, сделанным на спектакле «Шурале», видно, какие протяженные в нем пластические мелодии, как оригинальны и виртуозны они по рисунку, зримо отмеченному национальным татарским колоритом. Пятьдесят две новые дуэтные поддержки поставил Есаулов в этом спектакле!

городе своего детства — с таким коллективом, как ансамбль Уральского танца трудовых резервов, то балетмейстер согласился без особых раздумий: приглашение выглядело заманчивым, с перспективой.

Здесь, в Перми, первым делом пошел в библиотеку, в музей и художественную галерею. Познакомился с фольклористами. Да и не на пустом месте ведь начинать пришлось: старожилы ансамбля многое знали о народном танце, многое умели на сцене.

• Из блокнота
репортера

СПОКОЙНОЙ ЖИЗНИ НЕ ИСКАЛ

Собираясь к Есаулову, я заглянул на всякий случай в свою «балетную папку». Там в старой программке вечера одноактных балетов («Токката», «Седьмая симфония», «Болеро», хореография М. Газиева, 1961 год) я немного неожиданно для себя нашел его имя — рядом с именами Подкиной, Кушаевой, Шлямовой, Асауляка, Малхасянца, только пришедшего в театр Кирилла Шморгонера.

— Пермское училище я закончил в пятьдесят восьмом году, — рассказывает балетмейстер. — Первые постановки Газиева стали для меня хорошей сценической школой: Газиев в числе первых на советской балетной сцене пятидесятых-шестидесятых годов начал осуществлять принципы хореографического симфонизма...

Так завязался наш разговор. А потом на столе стали появляться невесты откуда взявшиеся фотографии, рабочие тетради, книги, и это уже был день сегодняшний, творческая мастерская Есаулова.

Из Перми он уехал полтора десятилетия назад. С тех пор танцевал в казанском театре, ставил спектакли и концертные номера в Улан-Уде, в Новосибирске, Сыктывкаре, Горьком, в Москве и Ленинграде. В 1965 году его композиция «Солдат и Смерть» на музыку Прокофьева была удостоена диплома высшего достоинства на I Всесо-

Он ее и не искал никогда. Дебютом Есаулова стал «Щелкунчик». Что, кажется, можно сделать после Лопухова, Вайнонена, Григоровича? Он пошел от личного, сокровенного своего отношения к музыке балета-феерии Чайковского.

В доме отдыха «Песчанка», остановившись у столба с радиодинамиком, он слушал однажды поздним зимним вечером трагическое адажио из «Щелкунчика». Как зывающий к людям крик подвывал тогда на него Чайковский. Ничего игрушечного, кукольного не было в этой свободно летящей над заснеженной землей, над грозным ночным лесом музыке. Там одна за другой рушились иллюзии, там человек в муках прозревал свою душу. Начинающий хореограф шел за этим своим воспоминанием, когда приступал к «Щелкунчику».

«Шурале» Яруллина в хореографии Есаулова не заканчивался соединением Батыра и птицы счастья Сюимбике, как в знаменитой ленинградской постановке. Умом и находчивостью Батыр отвоевывает красавицу Сюимбике у жестокого духа леса Шурале. В последнем нежно-трагическом адажио Ба-

балетмейстер не признает полуроботы и полузнания. Его манера профессиональна в самом высоком смысле этого слова. В подготовительных материалах к балету на музыку Жуковского «Девушка и Смерть», пять лет назад поставленному Есауловым в Новосибирске, я видел список прочитанной им литературы. Сам за себя говорит перечень названий: «Крестьянин и Смерть» Ганса Сакса и «Федерико» Мериме, «Доктор Фаустус» Томаса Манна и автобиография Эйнштейна, «Декамерон» и сборник очерков о цирковом иллюзионизме.

Выбор «Шурале» не был для Есаулова случайным. Народный танец — его давнее, со времен училища, увлечение. Когда-то и на всю жизнь он был покорен русскими танцами в концертах хора имени Пятницкого. На русском фольклорном материале он ставил конкурсный номер в шестьдесят пятом году. Есаулов был сопоставщиком первого национального балета коми «Яг-Морт». Для ансамбля песни и пляски Сибирского военного округа ставил тувинские народные танцы.

И когда появилась возможность поработать — да еще в

Есаулов показывает мне свои пермские записи, вырезки из газет, показывает составленные им экспериментальные таблицы вариантов поз, движений, колористических оттенков их. Его уникальная, должно быть, балетная библиотека пополнялась здесь и двухтомником «Истории Урала», и университетским сборником «Живое слово в русской речи», и «Сюжетно-тематическим указателем свадебной лирики Прикамья» доцента пединститута Ивана Васильевича Зырянова.

В планах Есаулова — поставить прикамский свадебный обряд.

— Ваша газета, — говорит он, заканчивая беседу, — несколько лет назад вела разговор об этом, обращая, между прочим, внимание на то, что сохранилась пьеса с полной нотной и речевой записью обряда. Теперь требуются целенаправленные поиски с участием музейных работников, специалистов охраны и пропаганды историко-культурного наследия, краеведов. Думаю, ансамблю по плечу этот нелегкий, но очень интересный замысел...

Ю. НАДЕЖДИН.